

МНЕМО-КИНЕТИК

Осколки памяти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

марк дан

Марк Дан

Мнемо-кинетик.

Осколки памяти

<https://litres.ru/74359197>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Этернополисе чужие воспоминания продают на вес. Мои — сгорают дотла.

Меня зовут Дариан Вейл. Когда-то я носил погоны элитного Стирателя на Верхнем Ярусе, а теперь гнию в трущобах под вечным дождем. Я расследую грязь Нижнего Яруса с помощью мнемо-зрения. Плата за каждую каплю магии — навсегда стертый кусок моего собственного прошлого.

Простой поиск пропавшего архивариуса обернулся ловушкой. В глухом переулке меня ждал труп, переплавленный в кристалл памяти. Считаю последние секунды жизни убитого, я услышал голос. Голос сестры, которую похоронил много лет назад. «Беги, Дариан».

Они уже идут по моему следу. Чтобы докопаться до правды, мне придется применить силу на максимум. Но что останется от меня самого, когда сгорит последнее воспоминание?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	29

Марк Дан

Мнемо-кинетик.

Осколки памяти

Глава 1

Глава 1.Осколок на мостовой

В Нижнем Ярусе дождь не падал. Он стекал по городу, будто Этернополис кто-то медленно поливал из ведра с ржавой водой. Струи ползли по чугунным ребрам эстакад, дробились о кабели, шипели на крышках теплотрасс. В свете рекламных труб каждая лужа казалась больным зеркалом. В ней плавали неоновые буквы, окурки, масляная пленка и белая кристальная пыль — отходы мнемо-заводов, настолько мелкие, что их невозможно было вымести из швов мостовой.

Дариан Вейл шел по улице Плавильщиков, прижимая левую руку к боку. Не от боли. Просто так серебристые шрамы под рукавом меньше цеплялись за холод. Свинцовая подкладка графитового пальто глухо шуршала при каждом шаге, тяжелая и мокрая. Пальто стоило ему половины последней приличной зарплаты еще тогда, когда на его жетоне бы-

ло выбито слово «следователь», а люди открывали двери до второго стука. Теперь двери обычно не открывали вообще.

Теперь двери обычно не открывали вообще.

— Вейл?

Голос донесся из-под козырька лавки, где продавали восстановленные зубные импланты и нелегальные обереги от считывания памяти. Там стояла женщина лет сорока с намокшей сеткой на волосах. Под сеткой блестели медные контакты. На руках — перчатки без пальцев, между пальцами зажата сигарета, отсыревшая настолько, что дым от нее шел тонкой кислой струйкой.

— Зависит от суммы, — сказал Дариан.

— Вы детектив?

— Уже дешевле.

Она не улыбнулась. Протянула ему бумажную карточку. Бумага в Этернополисе давно стала роскошью, поэтому Дариан сразу посмотрел на нее внимательнее, чем на женщину.

«Торренс Вард. Архивариус третьей категории. Дом 18, коллекторный сектор. Не выходит на связь тридцать шесть часов».

— Брат? Муж?

— Клиент. Он должен был передать мне родословную мужа. Для суда. Если я не докажу линию до старой регистрации, Верхние отберут мастерскую.

— И вы думаете, его убили из-за вашей мастерской?

Женщина втянула дым и кашлянула, отвернувшись.

— Я думаю, что он взял задаток и нажрался. Найдите его. Если жив — притащите. Если нет — заберите папку.

Рутинный заказ. Таких у Дариана было по три в неделю. Пропавшие работники, беглые любовники, украденные долговые расписки. Иногда — поиск чужого воспоминания, проданного в игорном доме. Никаких заговоров. Никаких судей. Никакой магии выше бытового уровня.

Он назвал цену.

Женщина выругалась, сбила треть, согласилась на половину вперед. Монеты легли в ладонь холодными кружками. Дариан убрал их во внутренний карман и направился к коллекторному сектору.

Дом 18 стоял под эстакадой, в вечной тени. Верхние опоры там сочились конденсатом. Вода капала с высоты двадцати метров и била по железной крыше с размеренностью похоронного барабана. Дариан поднялся по лестнице на четвертый этаж. На площадке пахло мокрой известью, кислой капустой и озоном.

Озон был лишним.

Он остановился.

Под рукавом кольнуло. Серебряные шрамы вспыхнули под кожей тонкими нитями, от запястья к локтю. Их свет не пробил ткань, но Дариан увидел его краем глаза там, где манжета чуть задралась.

Дверь квартиры архивариуса была закрыта. Замок цел. Косяк цел. Пыль у порога — нет.

Кто-то входил недавно.

Дариан достал из кармана плоский ключ-отмычку, вставил между пластинами замка. Три сухих щелчка. Четвертый механизм сопротивлялся. Он надавил сильнее.

Щелк.

Внутри было темно.

Дариан не включил свет. Снял с пояса короткий фонарь, прикрыл линзу ладонью и пропустил узкий луч по стене.

Книги.

Сотни книг.

Не декоративные муляжи Верхнего Яруса и не дешевые перепечатки на полимерной пленке. Бумажные корешки, тканевые переплеты, картонные папки. Они стояли от пола до потолка. Между стеллажами висели стеклянные трубки с голубой жидкостью. Над письменным столом тускло светила карта старого Этернополиса — еще без деления на ярусы.

На полу хрустнуло.

Дариан посмотрел вниз.

Кристалл.

Маленький прозрачный осколок лежал у носка ботинка. В его глубине дрожал багровый отблеск, как застывшая капля закатного света.

Шрамы на руке дернулись.

— Черт.

Он поднял фонарь выше.

Архивариус сидел за столом.

Вернее, то, что осталось от архивариуса.

Кожа на лице превратилась в полупрозрачное стекло. Вены темнели внутри, неподвижные, тонкие. Глаза были открыты и тоже кристаллизированы, только зрачки сохранили матовую черноту. Руки лежали на столе, пальцы вцепились в края папки. На шее тянулась трещина. Она уходила под воротник и разветвлялась по груди.

Так умирали не от ножа и не от пули.

Так умирали, когда из человека выжигали память быстрее, чем мозг успевал умереть.

Дариан видел такое однажды.

Он не помнил где.

Мысль зацепилась за пустое место, и внутри черепа стало холодно. Там была комната. Белая? Нет. Крик. Чей-то голос. Потом провал, аккуратный, как вырванный лист.

Он стиснул зубы и подошел к столу.

Тело потрескивало от вибрации шагов. Плечо архивариуса осыпалось тонкой стеклянной крошкой. Она пахла старой кровью и чем-то сладким, почти цветочным. Так пахло высококачественное мнемо-стекло, которое легально продавали только лицензированным домам Верхнего Яруса.

На столе не было папки с родословной.

Не было вообще ни одной подписанной папки.

Зато лежал пустой футляр из черного дерева. Внутренняя выемка имела форму узкого кристалла длиной с мизинец.

Дариан провел пальцем по бархату. Тепло.

Совсем недавно.

За спиной тихо скрипнула половица.

Он развернулся, выхватывая пистолет.

Пустой коридор.

Капля воды пробилась через потолок и ударила по полу.

Еще одна.

Дариан удерживал ствол на уровне груди, пока дыхание не стало ровнее. Потом шагнул в спальню. Окно открыто. За ним — пожарная лестница. На подоконнике грязный отпечаток сапога. Узкий каблук. Военный тип подошвы.

Он выглянул наружу.

Внизу ревели трубы, проезжал грузовой трамвай. Людей на улице почти не было. В сорока метрах качалась вывеска «СНЫ НА ЧАС». Под ней женщина в красном плаще спорила с торговцем рыбой. Любой, кто вышел через окно пять минут назад, уже растворился в Нижнем Ярусе.

Дариан вернулся к телу.

Можно было вызвать патруль. Правильный поступок. Бывший следователь внутри него даже подsunул привычную последовательность — не трогать, огородить, зафиксировать, дожидаться экспертов.

Бывшего следователя давно никто не спрашивал.

Он убрал пистолет.

На груди архивариуса что-то блеснуло.

Под рубашкой, среди кристаллических ребер, висел аму-

лет. Серебряный круг с тремя насечками. Дариан коснулся собственного медальона под рубашкой — такой же металл, но без знаков. Он носил его столько лет, что перестал ощущать вес.

От прикосновения шрамы на левой руке вспыхнули сильнее.

Тело архивариуса ответило тихим звоном.

Нет.

Не тело.

Осколок памяти.

Он сидел в трещине у основания шеи, почти прозрачный. Если бы не свет шрамов, Дариан его бы не увидел.

— Не надо, — сказал он себе.

Рука уже тянулась.

Считывание чужого мнемо-стекла без фильтра было плохой идеей. Считывание после насильственной экстракции — способом проснуться без имени. Стеклянная кровь не различала, что твое, а что чужое. Ей нужен был топливный материал. Воспоминания горели одинаково охотно.

Дариан обернул пальцы платком и вытащил осколок.

Левая ладонь свело.

Серебряные рубцы под кожей стали белыми.

— Пять секунд, — пробормотал он. — Только вход.

Он прижал кристалл к шраму на запястье.

Боль пришла без предупреждения.

Не удар. Не ожог. Будто в руку загнали тонкую металличе-

скую проволоку и потянули ее вверх по нервам, к плечу, шее, затылку. Дариан согнулся, упершись коленом в край стола.

Комната исчезла.

Сначала был запах.

Сухая бумага. Горячий металл. Озон.

Потом чужие пальцы — архивариусовы — перебирали карточки в подземном хранилище. На карточках стояли имена. Тысячи имен. Рядом горела синяя печать Верховного Суда.

Чья-то рука вырвала карточку.

Видение рвануло в сторону.

Архивариус бежал по коридору. За ним стучали сапоги. Свет мигал. Сирена выла низко, почти на границе слышимости. В стенах дрожали трубы.

«Архив нельзя отдавать».

Это была мысль архивариуса. Не голос.

Дариан различал такие вещи.

Следующий образ ударил ярче.

Женщина в белом стояла по ту сторону стеклянной двери. Ее лицо скрывал пересвет. Волосы темные. На шее цепочка.

Дариан дернулся.

Он знал эту цепочку.

Нет.

Он должен был знать.

Пустое место в голове открылось резко, до тошноты.

Женщина подняла лицо.

— Дариан.

Он перестал дышать.

Голос.

Тот самый, который он годами пытался удержать хотя бы во сне.

Сестра.

Не лицо. Лицо уже расплзлось белым пятном. Только голос, и то с треском, будто запись на старой проволоке.

— Беги. Они пришли за архивом.

Видение оборвалось.

Дариан рухнул на пол.

Кристалл вылетел из пальцев и прокатился под стол.

Несколько секунд он смотрел на свои руки, пытаясь вспомнить, почему одна из них дрожит. Потом вернулось имя. Архивариус. Квартира. Заказ.

Сестра.

Он повторил про себя ее имя.

С первого раза не получилось.

Во рту появился металлический привкус.

— Эли...

Слог застрял.

Шрамы жгли до локтя.

— Элина.

Вот.

Имя пока осталось.

Дариан сидел на мокром от конденсата полу и произносил

его шепотом, как пароль от двери, которая с каждым годом становилась тяжелее.

Снизу донесся звук двигателя.

Не трамвай.

Слишком ровный.

Он поднялся, заглянул в окно.

У дома остановился черный патрульный фургон без гербов. Двери открылись одновременно. На мостовую вышли четверо в длинных серых плащах. Лица закрыты гладкими масками. На поясах — белые стеклянные цилиндры.

Стиратели.

Официально такого подразделения не существовало.

Дариан видел их однажды.

И этого тоже не помнил.

Он сунул осколок в свинцовый карман пальто. Тот прожег холодом ткань. На столе лежала кристаллизованная рука архивариуса, пальцы все еще держали край несуществующей папки.

— Рутинный заказ, — сказал Дариан.

На лестнице хлопнула дверь подъезда.

Он погасил фонарь.

Глава 2

Квартал Шестеренок молотил вслепую. За глухими чугунными заборами мануфактур тяжело ухали гидравлические прессы, сотрясая мостовую до звона в зубах; из проржавевших решеток вентиляции хлестал перегретый пар впере­мешку с жирной угольной сажой. Известковая морось Верхнего Яруса, пролетая сквозь сотни метров решетчатых эстакад, превращалась в кислую серую жижу, которая въедалась в сукно и разъедала глаза.

Дариан шел вдоль глухой кирпичной стены, вжимая левый локоть в ребра.

Каждый шаг отзывался тупой вспышкой под ключицей — память о падении на жестяной козырек в Часовом переулке. Но хуже сломанного ребра был мнемо-резонанс. Прямой контакт с остекленевшим лбом мертвого архивариуса выжег нервные узлы на предплечье: серебристые шрамы-трещины под мокрым рукавом пальто тлели ядовитым белесым жаром, пробивая свинцовую подкладку. Боль ползла вверх по жилам, вгрызаясь в затылочную кость.

А в ушах, не умолкая ни на секунду, звенел чужой шепот: *«Беги, Дариан. Они добрались до Первого Реестра...»*

Голос Элины. Тонкий, перебиваемый треском статического электричества.

К горлу подкатил ком кислой желчи. Дариан остановился

у чугунного стояка ливневки, переждал судорожный спазм и сплюнул под сапоги черную слюну с привкусом меди. Он попытался зацепиться за прошлое, выстроить в голове хоть какую-то опору. Какого цвета были ставни в их доме до катастрофы? Зеленые? Обитые медью? Как выглядели руки сестры?

Ничего. Слепое, выскобленное добела пятно. Память сгорела дотла, оставив лишь сырой ожог.

Стеклянная кровь не прощала прямой врезки в военный кристалл. Еще один глубокий контакт голыми руками — и от его личности останется пустая мясная оболочка, набитая чужими смертями и стеклянной трухой. Ему срочно нужен был аппаратный стенд. Железо, фокусирующие призмы, ртутные предохранители и человек, умеющий потрошить армейские шифры без лишних вопросов.

Старая насосная станция стояла в мертвом тупике за кирпичной будкой трансформаторной подстанции. Кирпичный куб здания врос в ил по самые отливы окон. Дариан толкнул тяжелую железную створку плечом и шагнул в сырой полумрак.

Подвал встретил его плотным, утрамбованным хаосом. Здесь пахло кислотой для травления кварца, перегретой канифолью, паленым текстолитом и машинной отработкой. По чугунным трубам под сводами с глухим воем гуляло давление, а вдоль стен громоздились стеллажи, заваленные медным ломом, разбитыми линзами и бухтами кабелей. Медные

клеммы ржавели в керамической кружке с косою надписью белилами «НЕ ПИТЬ». На одноконфорочной плитке парила жестяная ванна с реактивами, а над верстаком покачивался кустарный механический протез глаза — латунная диафрагма лениво щелкала всякий раз, когда по перекрытиям сверху прокатывала дрожь заводских платформ.

Лира спала прямо на полу, забившись под дальний угол верстака.

Дариан понял это, когда носок сапога уперся во что-то мягкое и под подошвой хрустнула жестянка.

— Еще шаг, — донесся из-под столешницы сиплый спроне́ный голос, — и я впаяю тебе конденсатор в колено.

— Паяльник остыл, — сказал Дариан, не двигаясь.

— Ты проверяешь нервы человеку, который спит на куче лома.

Под верстаком зашуршал брезент. Раздался глухой стук затылка о дубовую балку, короткий злой мат — и наружу выбрался ком из промасленной куртки и рыжих волос. Лира села на корточки, потирая голову. Медно-рыжие вихры были наспех заколоты сточенным графитовым стержнем, на бледной щеке темнел вафельный отпечаток оплетки кабеля.

Она сощурилась на дежурную лампу, потом перевела тяжелый взгляд на Дариана — на черную жижу, стекающую с полов его графитового пальто на каменные плиты.

— Нет, — отрезала она сразу, не поднимаясь.

— Я еще ничего не сказал.

— Знаю я этот взгляд, Вейл. Опять притащил дрянь, за которую нам обоим головы оторвут. В прошлый раз ты пришел с таким же видом и приволок матрицу дознавателя.

— Матрица сработала.

— Она полыхнула прямо на верстаке. Я потом три дня кислотную копоть со стен соскребала, — Лира поднялась на ноги, хрустнув суставами. — Что там?

Дариан растегнул пальто. Свинцовый подклад глухо зашуршал, обнажая внутренний карман. Он достал плоский металлический пенал в ветоши и положил на верстак — прямо между тисками и рассыпанными шайбами.

Лира замерла. Рука так и осталась у ворота куртки, пальцы медленно разжались. Взгляд намертво прилип к темному свинцу.

— Где снял? — спросила она глухо.

— В архивариусе.

— В смысле — «в»?

— Сидел в основании черепа. Тело застеклили до костей.

Лира не стала трогать пенал. Наклонилась так низко, что медная прядь коснулась грубой ткани. Ноздри дрогнули, улавливая запах, пробивавшийся сквозь металл — жженный сахар и тяжелый сухой озон.

— Это не гражданская нарезка, Вейл.

— Я понял, когда труп зазвенел на высоких частотах.

— Вейл.

— Что?

— Отойди на два шага.

— Зачем?

— От тебя фонит, как от пробитого реактора. Рука сквозь сукно светится.

Дариан опустил глаза. Мокрая ткань на левом предплечье потемнела, и сквозь нее пробивалось белесое мерцание. Серебряные рубцы под кожей жгло сухим, ноющим жаром.

Лира подняла на него жесткий взгляд:

— Считывал напрямую?

— Только верхний слой. Секунды три.

— «Три секунды» — это сколько кусков твоей памяти на этот раз?

Дариан сжал челюсти так, что свело скулы.

Лира выпрямилась:

— Свое имя помнишь?

— Дариан Вейл.

— Возраст?

— Двадцать восемь.

— Кто такая Элина?

Под затылком плеснуло холодом. В горле встал кислый ком; перед глазами поплыла серая муть — ни лица сестры, ни взгляда, только ощущение синей ленты и глухой провал в груди.

Лира поймала эту заминку по дрогнувшим зрачкам. Лицо ее окаменело.

— Понятно, — сухо бросила она, натягивая диэлектриче-

ские перчатки. — Если опять полез в военную дрянь голыми нервами — платишь втройне.

— Заплачу, когда достанешь картинку.

В тяжелую железную дверь на верхнем конце лестницы ударили.

Один глухой, сотрясший коробку толчок. Затем — три коротких, размеренных удара ломом.

Лира замерла, вскинув голову к сводам.

— Твои? — Дариан сместил ладонь к кобуре под пальто.

— Шестерки Барона. Пришли за долей за силовую жилу.

Сверху снова грохнуло. Известка посыпалась с балок сухой трухой.

— Сольвейг! — донесся сквозь железо прокуренный бас.

— Открывай богадельню. Керн не любит мокнуть.

— Сколько их? — шепнул Дариан.

— Обычно двое.

Сверху что-то с хрустом врубилось в засов. Лист железа протяжно взвизгнул.

— Сегодня трое, — поправилась Лира.

Дариан сгреб пенал обратно во внутренний карман и вытянул пистолет.

— Не стреляй, — Лира шагнула к нему. — Это Нижний Ярус, Вейл. Положишь их здесь — завтра Синдикат пришлет сюда взвод с огнеметами.

— Если не положу, они войдут через пять секунд.

— С этими я хотя бы знаю, как говорить.

Засов лопнул. Дверь с грохотом распахнулась, выпуская в подвал сырой сквозняк и гул заводских прессов.

По лестнице ввалились трое. Впереди — плечистый в кленчатом плаще с лоснящейся от сырости рябой физиономией, следом долговязый с титановым протезом нижней челюсти и сопливый пацан со шрамом через всю бровь.

Широкий осклабился:

— Лира, птичка. Господин Барон передает...

Он осекся, наткнувшись взглядом на высокую фигуру Дариана у верстака. Рука бандита дернулась под плащ:

— Гости?

Дариан держал пистолет опущенным вдоль бедра:

— Продолжай. Не отвлекайся.

— У нас частный разговор по долгам.

— Уши вянут от твоего лая. Говори по делу.

Лира встала между ними:

— Сказала же: пусто у меня, Керн. До пятницы ждите.

— В прошлую пятницу ты пела то же самое, рыжая, — шарнир на челюсти долговязого противно щелкнул.

Широкий сделал шаг вперед:

— Барон устал ждать. Сегодня забираем залог.

Его взгляд скользнул мимо Леры — в левый бок Дариана, под пальто, ровно туда, где лежал свинцовый пенал.

Дариан не стал ждать вопроса и нажал спуск.

Пуля с сухим звоном разнесла подвесную лампу над лестницей. Подвал захлебнулся мраком. Лира ушла под верстак

еще до того, как осколки стекла ударили по плитам.

Широкий взревел.

Дариан шагнул в сторону, уходя с линии огня. В темноте с треском развернулся силовой разрядник — мимо виска с шипением хлестнула синяя дуга, обдав кожу запахом пальной шерсти.

Не тратя патронов, Дариан перехватил пистолет за ствол и наотмашь вогнал стальную рукоять в сустав руки с оружием.

Хрустнуло сухо и отчетливо. Разрядник со звоном вылетел на пол. Парень со шрамом прыгнул сзади, навалившись всем весом и обхватив Дариана поперек горла.

Они вместе влетели спиной в край верстака.

Старый ушиб в ребрах отозвался вспышкой боли, из легких со свистом вышибло воздух. Стиснув зубы, Дариан дважды вбил локоть назад, в печень нападавшего. Хватка ослабла. Крутанувшись на пятке, Дариан перехватил парня за загривок и с короткого замаха впечатал свой лоб в чужую переносицу.

Хрящ лопнул. Парень захлебнулся кровью и осел на пол.

Щелкнул рубильник — Лира врубила аварийный щит.

Подвал залило вязким красным светом.

Широкий стоял на коленях, зажимая рассеченный висок — под его ногами валялись черепки разбитой керамической кружки. Лира возвышалась над ним на краю стола с тяжелым разводным ключом в обеих руках.

— Руки от верстака убрал! — сорванным голосом выплю-

нула она.

Челюстной попытался поднять разрядник здоровой рукой. Дариан коротким ударом сапога вбил железку в темный угол. Широкий тем временем начал заваливаться на бок, шаря под плащом в поисках обреза.

Лира не стала ждать. Она вцепилась в толстый кабель в красной оплетке и рванула его вниз всем весом.

Под потолком взвыли четыре спаренные индукционные катушки.

Магнитный удар накрыл подвал.

Все железо с металлическим визгом рвануло к трубам. Пистолет вырвало из пальцев Дариана и намертво припечатало к стояку под потолком. Бляха на ремне широкого дернула его вперед; он споткнулся и с глухим хрустом вошел переносицей в угол инструментального шкафа. Челюстного развернуло на месте — титановый протез со звоном прилип к металлической стенке, заставив хозяина взвыть от боли в вывернутом суставе.

Лира прыгнула на плиты, сжимая в руке короткий кабельный тесак:

— Пошли вон.

Широкий с трудом оторвал окровавленное лицо от шкафа:

— Барон из тебя жилы вытянет, Сольвейг...

— Барону передай: еще раз сунетесь — выжгу к чертям всю силовую магистраль, — Лира сделала шаг, перехватив

тесак. — Три секунды. Потом я сменю полярность, и твоему дружку оторвет челюсть вместе с ухом.

Молодой, размазывая кровь по лицу, кое-как вздернул челюстного на ноги. Тот с мясом оторвал металл от шкафа, и оба попятились к лестнице. Широкий задержался на нижней ступени, тяжело дыша.

Его мутный взгляд в упор сверлил левую руку Дариана.

Потом громила сплюнул темную жижу под ноги и скрылся в проеме.

Лира вырубил рубильник. Катушки затихли. Пистолет Дариана отлип от трубы — он поймал его у самого пола и вернул в кобуру.

— Они пришли не за долгом, — сказал Дариан, опираясь на верстак.

— Знаю. Тот, что в плаще, палил твой левый карман.

Дариан глубоко вдохнул. В правом боку нудно пульсировало — ребра выдержали, но синяк наливался тяжестью. Он надавил ладонью на бок.

Лира перехватила жест:

— Сядь.

— Работай с кристаллом.

— Сядь, кому сказано. Не хватало еще собирать тебя с пола посреди дешифровки.

Она толкнула его на табурет, задрала край мокрого свитера и жестко прошлась холодными, пахнущими отработкой пальцами по межреберным промежуткам. На третьем ребре

Дариан перехватил ее запястье.

— Здесь.

— Трещины нет, хрящ цел. Дышать можешь — остальное само схватится.

Она выкатила из-под дальнего стеллажа тяжелый латунный ящик кустарного дешифратора — громоздкую установку, облепленную медными змеевиками масляного охлаждения, пучками экранированных проводов и кварцевыми призмами. Развернув на верстаке кусок свинцовой ткани, Лира хирургическими щипцами вытряхнула скол мнемо-кварца на мягкую подложку.

Камень тускло мерцал ядовитым синим светом.

Лира работала скупой, не глядя подбирая тонкие жилы световодов и заводя их под прижимные латунные винты.

— Что успел выцепить, пока не отключился? — спросила она, затягивая зажимы на кристалле.

— Архив. Погоню. Стирателей.

— Еще.

— Голос.

Она даже не дрогнула:

— Ее?

— Да.

— Это может быть структурная фальшивка. Поверхностный слепок, чтобы заманить тебя.

— Может.

— Девяносто процентов, что фальшивка.

— Лира. Работай.

Она опустила рубильник на блоке питания.

Трансформатор в углу взвыл на пределе мощности, вибрация пробежала по дубовым доскам верстака. Кристалл запел — из самой глубины полупрозрачного скола вырвался тонкий, дребезжащий ультразвуковой свист. Серебряные рубцы на руке Дариана отозвались мгновенным спазмом, пальцы свело судорогой. Лира выругалась и сбавила накал на реостате, охлаждая посадочное гнездо.

— Там двойная оболочка, — пробормотала она, вглядываясь в оптический окуляр. — Личную память намертво запаяли под системную команду высшего допуска.

На сырой кирпичной стене подвала задрожала объемная световая проекция.

Сначала по кирпичам поползли серые полосы помех, затем лучи сфокусировались в четкий герб: серебряная башня в тройном кольце — личная печать Верховного Суда Этернополиса. Под ним проступили строчки военного приказа, вспыхивая изумрудными символами машинного кода.

Лира шумно втянула воздух сквозь зубы.

— Чей код? — Дариан подался вперед.

— Прямой доступ Первого Судьи.

Внизу проекции горела подпись: *K. MORTEN / PRIMUS IUDICIS.*

Символы перестроились в окончательный текст протокола:

*«ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ НОСИТЕЛЯ СИГНАТУРЫ V-0
ДЕЙСТВОВАТЬ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ. ИЗЪЯТИЕ ПА-
МЯТИ НЕ ПРОВОДИТЬ. ОБЪЕКТ ПОДЛЕЖИТ ПОЛНОЙ
УТИЛИЗАЦИИ НА МЕСТЕ».*

Строкой ниже развернулась архивная карточка.

С кирпичей на Дариана смотрело его собственное лицо. Карточка четырехлетней давности: воротник кителя старшего следователя, тяжелый, немигающий взгляд.

Лира застыла, не отрывая взгляда от проекции:

— Что за литера, Вейл?

— Сказал же: начисто выжгло. Не помню.

Кристалл внутри дешифратора тонко, на высокой визгливой ноте хрустнул. Масляный змеевик закипел, выплевывая пену.

Лира среагировала мгновенно:

— На пол!

Она рванула Дариана за собой за толстую столешницу верстака.

Кварц лопнул с винтовочным сухим щелчком. По верстаку хлестнуло раскаленной стеклянной шрапнелью, в дерево с шипением впились белые фосфорные иглы. Один из осколков пробил рукав Дариана, оставив глубокую дымящуюся царапину на предплечье. Лира охнула — на ее щеке проступила тонкая кровавая полоса.

Лампы аварийного щита лопнули разом.

Подвал накрыла плотная, осязаемая темнота. Пахло жже-

ной медью, травильной кислотой и расплавленным стеклом.

— Жива? — выдохнул Дариан в темноту.

— Аппаратура сгорела к чертям, — процедила она из-под стола. — Значит, жива.

Сверху — прямо по металлической раме входного люка — ударили.

Один направленный кумулятивный хлопок. Железная створка выгнулась внутрь подвала, и по лестнице пополз тяжелый, удушливый белый газ.

Лира на ощупь выдернула из кармана защитные очки, натянула на лицо:

— Не Керн.

По ступеням спускались слитно и неслышно — так ходят только армейские штурмовики с Верхнего.

Через щель под выбитой дверью в подвал скользнул тонкий синий луч сканера.

Он прочертил пол, скользнул по верстаку — и намертво зафиксировался на левом сапоге Дариана.

Шрамы на его руке вспыхнули злым белесым жаром, пробивая мокрое сукно рукава до кости.

Лира распахнула нижний инструментальный шкаф, нащупав тяжелый чугунный рычаг.

— Куда ведет люк? — Дариан вытянул пистолет.

— В дренаж под шлюзами.

— Двигай.

Дверь наверху с сухим треском вылетела внутрь.

Сквозь белую муть на ступенях молча пошли серые плащи. Ни лиц, ни глаз — только круглые стеклянные наглазники фильтров и вскинутые стволы мнемо-винтовок.

Лира рванула рычаг на себя.

Каменные плиты пола прямо под их ногами с лязгом ушли в пустоту.

Глава 3

Жестяной склиз водосброса ободрал правое плечо сквозь мокрое сукно пальто. Дариан с оглушительным скрежетом пропорол спиной заклепки желоба и со всего маху рухнул в сточную канаву.

Удар вышиб воздух до самого донышка легких. Треснувшее ребро отозвалось ослепляющей судорогой — в правый бок будто плеснули кипящим свинцом. Жижа в коллекторе стояла по щиколотку: ледяная маслянистая дрянь, в которой вонь тухлой серы мешалась с едким травильным электролитом, втихую спускаемым соседними гальваническими цехами. Химикат мгновенно просочился сквозь дыру в подошве правого сапога, вгрызаясь в содранную кожу едким огнем.

Через секунду сверху, прямо ему на грудь, с тяжелым плеском обрушилась Лира.

— Слезь... — Дариан попытался протолкнуть воздух в гортань, но ребра свело сухим спазмом. — Ребра... трещат.

— Заткнись, — прохрипела она в самый его воротник, лихорадочно упираясь ладонью в мокрый ил. — Сама на железо налетела.

В квадратном проеме выбитого люка над их головами вспыхнул мертвенно-белый луч поискового сканера.

Дариан среагировал раньше, чем легкие наполнились воздухом: сгреб Лиру за мокрый брезент куртки и тяжелым пе-

рекатом сбил ее в мутную жижу под полукруглый кирпичный свод трубы.

Туда, где секунду назад были их головы, с шипящим треском ударил беззвучный плазменный разряд. Черная жижа мгновенно закипела мелкими пузырями, выбросив едкий, удушливый клуб озонowego пара. Металлическая окалина брызнула по кирпичам.

— Вперед! — выдохнул Дариан, поднимаясь на четвереньки.

Они побежали.

Дренажный коллектор шел глубоко под основанием водонапорной станции, петляя между свайными фундаментами заводских корпусов, а затем резко забирал вверх. Под подошвами с хлюпаньем расступалась промышленная слизь, мокрые сапоги оскальзывались на полузатопленных чугунных перекатах.

Ли́ра ориентировалась в этой сырой тьме на ошупь: держалась левой рукой за покрытую солевыми наростами стену и то и дело поправляла сползающие поляризационные очки. Дариан шел вслепую — ориентировался на тяжелое чавканье ее шагов и глухой свист пара из боковых технологических врезок. Каждый шаг отзывался тупым, раскалывающим ударом под правой лопаткой, а свежая царапина на левом предплечье, оставленная осколком мнемо-кварца, саднила от ядовитых испарений так, будто мясо поливали спиртом.

Позади, гулко отражаясь от сводов, послышались тяжелые, размеренные всплески.

Стиратели не тратили времени на осмотр разбитой мастерской. Они спустились следом. Пять пар рифленых подошв месили ил с глухим, слитным чавканьем. Ни ругани, ни сбитого дыхания — ликвидаторы шли ровным, неумолимым шагом забойщиков.

— Сколько до выхода? — бросил Дариан, стискивая зубы на каждом толчке.

— Если не срежут в спину — пара минут, — Лира тяжело хрипела впереди.

— Точнее!

— До колодца сотня шагов! Не тормози на трубах, шею свернешь!

Тоннель внезапно уперся в тупик, перекрытый тяжелой решеткой из кованого железа. Прутья в руку толщиной намертво вросли в вековую кладку, а массивный висячий замок заплыл бурым наростом ржавчины и известкового камня.

Дариан коротко выругался, упершись ладонью в холодный осклизлый чугун.

Лира уже лихорадочно шарила по глубоким карманам спецовки. Она выдернула тяжелый латунный цилиндр с торчащими медными клеммами:

— Отойди и закрой глаза!

Она с силой вдавила цилиндр прямо в замочную скважи-

ну. Внутри механизма натужно щелкнуло, воздух вспорол тонкий ультразвуковой писк. Каленые дужки замка и крепежные скобы мгновенно налились вишневым жаром, зашипели и потекли вниз густыми огненными каплями, выжигая в мутной воде дымящиеся ямы.

— Термический ключ? — Дариан прикрыл глаза свинцовым лацканом пальто.

— Спираль от промышленного нагревателя! Толкай!

Они навалились плечами одновременно. Решетка со стоном сорвалась с оплавленных петель и с тяжелым плеском рухнула в сток.

Они вывалились в узкий технологический колодец, зажатый между глухими кирпичными стенами двух прядильных фабрик.

Здесь пахло сырой шерстью, угольной сажей и машинным дегтем. Высоко над головами, метрах в сорока над крышами трущоб, на циклопических чугунных опорах висели магистральные эстакады Верхнего Яруса. Их нижние панели ровно и холодно светились молочным неоном. Оттуда, сверху, фабричный двор казался просто темной трещиной в асфальте — архитекторы Суда специально проектировали мосты так, чтобы патриции никогда не видели копоты, труб и сточных луж внизу.

Где-то далеко на западе, за линией сортировочной станции, протяжно и надрывно завывали сирены.

Лира задрала голову к затянутому смогом небу:

— Перекрывают центральные перекрестки.

— Муниципальная стража. Они патрулируют внешний периметр.

— Им плевать, в кого палить, если объявлен общий пере хват!

Из черного зева стока позади донесся глухой лязг — Сти ратели выбивали остатки решетки.

Дариан мазнул взглядом по стене фабрики, выхватывая взглядом скобы пожарной лестницы, уходящей в сырую мглу:

— Наверх.

— Смола на крышах мокрая, сорвемся!

— Лезь молча, снизу срежут!

Они успели преодолеть только первый пролет, когда из черной пасти стока бесшумно вынырнула серая фигура.

Белая, лишенная прорезей маска. Длинный штурмовой плащ из матовой ткани, не дающей бликов. В руках — короткий карабин с прозрачным призматическим магазином, в котором тускло мерцала мнемо-суспензия.

Дариан перегнулся через перила и нажал на спуск.

Грохот выстрела в тесном дворе ударил по ушам, как молот по наковальне. Пуля с визгом выбила сноп желтых искр из чугунной ступени прямо перед ботинком преследователя. Стиратель плавно качнулся назад, уходя с линии огня. Дариан стрелял не на поражение — косой дождь и дрожь в ушибленной руке не давали прицелиться. Ему нужна была

секунда форы.

Ли́ра уже грохотала подошвами по площадке третьего этажа:

— Быстрее, Вейл!

Он рванул следом, перешагивая через две ступеньки.

Крыша прядильной фабрики оказалась плоской, залитой потрескавшейся черной смолой. В глубоких выбоинах стояла дождевая вода с хлопьями сажи. Из круглых дефлекторов вентиляции со свистом вырывались струи горячего пара, пахнувшего анилиновыми красителями и серным ангидридом.

Дариан и Ли́ра пригнулись, на полной скорости пересекли рубероид и по узкой двутавровой балке перемахнули через пятиметровый провал на кровлю соседнего механического цеха.

Сзади, над парапетом первой крыши, беззвучно выросли два серых силуэта.

Ли́ра на бегу выхватила из поясной сумки три плоских черных диска и веером швырнула их под ноги, прямо в лужи.

— Не наступай в воду за мной! — крикнула она.

Первый Стиратель прыгнул с балки на смолу, наступив прямо на мину.

Сухой, короткий щелчок разбитого стекла.

В то же мгновение вся вода в радиусе трех метров схватилась белесым кристаллическим льдом чудовищной плотности. Подошвы сапог преследователя намертво впаяло в смо-

лу. Второй боец, шедший следом, не успел затормозить, врезался напарнику в спину, и оба с тяжелым шуршанием показались по крыше, ломая о лед накладки брони.

— Сработало, — выдохнул Дариан, на ходу оглядываясь.

— На пару минут задержит!

На краю цеха путь им наглухо перерезала массивная башня вентиляционной шахты — чугунный куб высотой в два человеческих роста. Лира подлетела к герметичному люку обслуживания и обеими руками вцепилась в стальной штурвал запора.

Металл взвизгнул, сдвинулся на дюйм и встал намертво.

— Заклинило! Шток заржавел!

Сзади, ломая ледяную корку, уже приближались тяжелые шаги. Стиратели поднимались на ноги.

Дариан навалился на штурвал всем весом, упершись сапогом в заклепки. Чугун не шелохнулся. Плечо и ребра обожгло новой волной боли.

— В сторону, — глухо бросил он, сдергивая перчатку с левой руки.

Лира мгновенно вцепилась пальцами в его рукав:

— Нет! Не смей!

— Другого выхода нет!

— Я подорву петли!

— Грохот накроет весь квартал, нас прямо здесь положат!

Дариан стряхнул ее руку и прижал голую ладонь к чугунной ступице колеса.

Серебряные трещины на его предплечье вспыхнули ослепительно-белым огнем.

Он зажмурился.

Стеклянная кровь не брала шелуху — ей требовалось живое чувство, плотный кусок жизни. Дариан судорожно выскребал из головы то, что еще могло гореть.

В висках ударило слепящим полуднем: раскаленный известняк фонтана, брызги в лицо, смех Элины. В темных волосах трепещет узкая синяя лента — шелк щекочет ее щеку, она грозит прыгнуть в воду прямо в туфлях...

— Забирай, — прошептал Дариан сквозь зубы.

Свет на руке взорвался импульсом. Внутри чугунного механизма раздался утробный треск срезаемых ржавых зубьев.

Штурвал провернулся сам по себе, сделав три полных оборота. Тяжелая бронированная дверь со скрежетом распахнулась.

И в ту же секунду воспоминание выжгло.

Оно превратилось в мертвую строчку протокола. Дариан знал, что они были у фонтана. Знал, что было тепло. Но эмоциональное тепло умерло. А на месте синей ленты в волосах сестры образовалась глухая серая дыра, которую больше ничем нельзя было заполнить.

Дариан перевел дыхание и толкнул Лиру в проем:

— Вниз! Быстро!

Она на секунду задержала взгляд на его осунувшемся лице:

— Что сгорело, Вейл?

— Вниз, черт тебя дери!

Лира нырнула в темный прямоугольник шахты. Дариан скользнул следом и с силой захлопнул тяжелую створку изнутри, накинув аварийную щеколду.

Внутри вентиляционного канала стоял несмолкаемый гул. Воздух здесь был горячим, сухим и удушливым — пахло тлеющей войлочной пылью и машинной смазкой. Они ползли на локтях по гофрированному металлу. Каждый толчок отдавался в ушибленных ребрах Дариана ударами молота.

Снаружи в закрытый люк сокрушительно врезался первый таранный удар.

Затем — второй. Металл за спиной угрожающе выгнулся внутрь.

Лира замерла на локтях у развилки двух узких воздухопроводов:

— Налево — турбинный зал прядильного цеха. Направо — технологический выброс над переулком.

— Улицы внизу перекрыты.

— А на прядильном турбины на полных оборотах, нас там затянет в ротор!

— Значит, направо.

Они свернули в правый рукав.

Здесь короб резко сужался, сдавливая плечи. Впереди забрезжил мутный серый свет и послышался шум дождя — решетка аварийного выброса. Лира подползла первой, сбивая

отверткой приржавевшие фиксаторы.

В этот момент в шахте позади них вспыхнул белый луч.

Стиратели выбили створку.

— Вниз! — гаркнул Дариан.

Белый луч чистильщика с сухим свистом вспорол жесть прямо над затылком. Металл короба мгновенно поплыл, брызнув раскаленной окалиной.

Дариан развернулся на боку и вслепую выстрелил назад, в узкое жерло трубы.

Грохот выстрела в замкнутом объеме оглушил обоих. Пуля выбила сканер из перчатки нападавшего, но преследователь даже не вскрикнул — он молча продолжал ползти вперед, поднимая ствол карабина.

Лира ногой вышибла наружную решетку.

За ней открылась сырая ночная пустота.

Узкий каменный карниз шириной в ладонь, а под ним — пять этажей мокрого мрака до булыжников глухого переулка.

— Другого пути нет, — Лира отплюнула намокшие волосы.

Стиратель в трубе был уже в трех метрах. В темноте блеснуло белое стекло его маски.

Лира перекинула ногу через жестяной отлив. Метром ниже карниза вдоль фасада тянулась толстая чугунная труба паропровода, уходящая к крыше соседнего дома.

— Идем по трубе!

— Держись за стыки, тут заклепки торчат!

Она соскользнула вниз и пошла по трубе боком, вжимаясь спиной в мокрую кирпичную кладку.

Дариан перевалился через край следом.

Из вентиляционного окна высунулся ствол карабина Стирателя.

Вспышка.

Разряд ударил в стену прямо над ухом Дариана. Старый кирпич взорвался снопом раскаленной крошки, осыпав лицо. Нога соскользнула с мокрого чугуна.

Дариан сорвался.

Пальцы левой руки в отчаянном рывке впились в выступающий край карниза.

Серебряные шрамы мгновенно отозвались дикой болью — в швах кладки оседала радиоактивная кристалльная пыль, и сейчас эта взвесь въелась в обнаженные нервы как кислота. Пальцы одеревенели.

Лира затормозила на трубе, развернулась, рискуя потерять равновесие:

— Руку давай!

— Вперед иди! — прохрипел Дариан.

Стиратель уже протискивал плечи сквозь узкую раму выброса.

Дариан собрал остаток сил, подтянулся на одной левой руке, забросил локоть на карниз и, не поднимая головы, выстрелил снизу вверх.

Пуля пробила Стирателю плечо. Тот качнулся, карабин дрогнул, но боец даже не застонал — только перехватил оружие.

Этого мига Дариану хватило: он оттолкнулся от карниза и прыгнул обратно на чугунную трубу, едва не вывихнув колено при приземлении.

Они преодолели последние метры и уперлись в глухую стену соседнего корпуса. Прямо перед ними темнела железная дверь аварийного люка связистов. Лира с размаху ударила по ней кулаком.

Заперто на внутренний ригель.

— Где твой нагреватель? — выдохнул Дариан, прижимаясь к кирпичу.

— Выронила в шахте, когда ты стрелял!

Сзади раздался мерный, неторопливый шаг.

Стиратель шагал по мокрому чугуну над пятиэтажной пустотой так, будто шел по плацу — мерно, не покачиваясь, не глядя под ноги. Пробитое плечо подрагивало, но карабин был намертво наведен в грудь Дариана.

Белая маска смотрела прямо на него.

— Объект V-0, — раздался из-под фильтра глухой голос. — Прекратите сопротивление.

Дариан замер, чувствуя, как вода заливает глаза.

Лира рядом с ним затаила дыхание.

— Что значит «V-0»? — спросил Дариан, удерживая мушку пистолета на белом овале лица врага.

Стиратель сделал шаг вперед:

— Вы прекрасно осведомлены о значении протокола.

— Помнил бы — стрелял бы в лоб, а не в плечо.

— Вы вырезали больше положенного, — просипел фильтр маски. — Зачистили пласты, которые проект требовал сохранить.

Под ребрами неприятно похолодело.

— Кто удалил?

Стиратель поднял ствол:

— Вы сами. По личному заявлению.

Лира за спиной Дариана сделала резкое движение: что-то мелкое вылетело из ее пальцев прямо в лицо преследователю.

Стиратель среагировал рефлексивно, поведя стволом в сторону летящего предмета, и нажал спуск.

Луч встретил деталь в метре от его маски.

Конденсатор в воздухе вспучило синей дугой. Короткое замыкание шарахнуло обратно по ионизированному следу — карабин в руках Стирателя разорвало с сухим грохотом, выдав мощнейший обратный разряд прямо в грудную пластину брони.

Белая маска треснула пополам.

Бойца повело в сторону, он потерял опору и начал заваливаться в пропасть.

Дариан бросился вперед, содрав колени о чугун, и на излете перехватил ворот серого плаща:

— Что такое «Объект V-0»?! Отвечай!

Осколок маски отвалился. Под ней показалось лицо мужчины лет тридцати — короткий ежик светлых волос, стекленеющие зрачки. Из разорванного уха на воротник толчками текла темная кровь.

Мутные серые зрачки дернулись к светящемуся предплечью Дариана:

— Объект... Ноль...

— Что это за проект?!

— Первый... — боец судорожно закашлялся розовой пеной.

— Первый кто? Говори!

— Первый субъект... переживший полное стирание личности... без распада нейросети...

Мышцы его шеи обмякли. Глаза остекленели, уставившись в темное небо Этернополиса.

Дариан держал мертвое тело еще пару секунд, глядя в лицо человека, который знал о нем больше, чем он сам.

Пальцы разжались.

Тело Стирателя беззвучно ухнуло в мокрый мрак переулочка. Спустя мгновение снизу донесся глухой удар о мостовую, и осколки маски со звоном брызнули по камням.

Лира стояла позади, вжавшись спиной в стену:

— Ты... пережил полное стирание?

— Нет, — глухо отозвался он, поднимаясь на ноги.

— Он только что сказал...

— Я слышал, что он сказал.

— И что это значит?

— Это значит, что я ни хрена об этом не помню.

Вдалеке, перекрывая шум дождя, завывали новые сирены — к кварталу стягивалась судебная гвардия.

Дариан наклонился и подобрал выроненный карабин Стирателя. Прозрачный корпус призмы был цел, внутри плескалась светящаяся суспензия — в магазине оставалось шесть игл. В его собственном пистолете оставалось всего четыре патрона.

Лира постучала носком сапога по ригелю аварийного люка:

— У меня есть знакомый. Держит точку в тупиках старого метро.

— Метро законсервировано пятнадцать лет назад.

— Поэтому там никого нет.

— К людям Синдиката мы не пойдем, — жестко отрезал Дариан.

Лира на долю секунды замерла. Она ответила без заминки, но пальцы на рукояти ножа дрогнули:

— Не Синдикат это... — Лира перехватила нож, избегая взгляда. — Дави на ствол, Вейл. Снизу по трубам идут.

Дариан загнал ствол трофейного карабина между створкой и косяком люка и навалился всем весом.

Старый металл со скрежетом хрустнул. Ригель лопнул.

За их спинами гудел ночной Нижний Ярус. Заводские тру-

бы выплевывали в тучи порции пара, дождь разбивался о карнизы, выли патрули.

Вот только внутри Дариана разверзлась еще одна ледяная пустота.

Белое мертвое пятно там, где секунду назад жила тонкая синяя лента в волосах сестры.

Он отчаянно пытался вспомнить ее цвет, ее шелк, движение на ветру — но память выдавала лишь серую холодную пыль.

Свинцовый холод в груди жег сильнее плазменного ожога: он держал в пальцах чужое оружие, но кусок за куском терял себя.